

ограничиваются удивлением. Но для удивления нет здесь каких-либо оснований. Устойчивость языка объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда. Сотни лет турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов. За этот период словарный состав балканских языков претерпел серьезные изменения, было воспринято не мало турецких слов и выражений, были и «схождения» и «расхождения», однако балканские языки выстояли и выжили. Почему? Потому, что грамматический строй и основной словарный фонд этих языков в основном сохранились»⁷.

Вместе с тем язык не обладает абсолютной непроницаемостью во всех своих структурных элементах по отношению к внешним языковым воздействиям. Никак нельзя отрицать «...многочисленные факты скрещивания языков, имевшие место в истории»⁸. В работах И. В. Сталина отрицается не принципиальная возможность процессов скрещивания языков, а то истолкование, которое это явление получало в работах Н. Я. Марра и его последователей, превращавших скрещивание в основной фактор развития языка. В так называемом «новом учении о языке» скрещивание мыслилось как процесс, переводящий путем взрыва язык из одного качественного состояния в другое качественное состояние, в результате чего возникал совершенно новый язык. В действительности же, как говорит товарищ Сталин,

«Скрещивание языков нельзя рассматривать, как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи.

Далее. Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них»⁹. В дальнейшем изложении И. В. Сталин ограничивает пределы действия скрещивания и называет те структурные элементы языка, которые не поддаются скрещиванию: «...при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд...»

Следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд»¹⁰. Прекрасный пример подобного процесса дает русский язык, «...с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем.

Конечно, словарный состав русского языка пополнялся при этом за счет словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык»¹¹.

Таким образом, одни элементы языка подвергаются процессам скрещивания, а другие, которые и составляют основу каждого языка — его грамматический строй и основной словарный фонд, — в основном остаются не затронутыми этими процессами.

Легко заметить прямой параллелизм между относительной проницаемостью отдельных элементов языка по отношению к внешним языковым воздействиям и относительной подвижностью и чувствительностью к социальным воздействиям этих элементов внутри самого языка. Если неравномерность языковых изменений и их темпов позволяет установить общий закон, в соответствии с которым «непрерывно изменяется словар-

⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26

⁸ Там же, стр. 29.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 29—30.

¹¹ Там же, стр. 30.